

Анализ тирании в европейской политической философии: от Средних веков к Новому времени

Мархинин Василий Васильевич,

кандидат философских наук,

доцент кафедры политологии

Сургутского государственного университета,

Россия, 628403, г. Сургут, ул. Ленина, 1

ORCID: 0000-0001-5024-2452

marhinin.basilio@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена истории исследования феномена тирании в европейской политической философии IV–XVI веков. На протяжении всего рассматриваемого в статье периода к проблеме тирании систематически обращались как идеологи и публицисты, так и философы, размышлявшие над вопросами устройства политических систем. В истории политической философии Средних веков и раннего Нового времени концепции тиранического правления сыграли роль драйвера развития политической теории. Они способствовали смене теоретических парадигм и формированию эмпирической ориентации в изучении социально-политической действительности. Показано, что исходной точкой этого процесса стала платоническая, психологизирующая интерпретация тирании, выработанная патристской и воспринятая раннесредневековыми мыслителями. В основе этой интерпретации лежало понимание тирании как продукта порочной воли и порабощения разума страстями. В свою очередь, предотвращение тиранического правления в дискурсе раннесредневекового политического богословия связывалось с подчинением воли правителей божественным и мирским законам – неизменным правилам человеческого общежития. В ходе систематизации этих представлений Иоанном Солсберийским и Фомой Аквинским была создана философско-правовая теория сопротивления тирании, обобщившая результаты развития нормативистской парадигмы средневековой политической философии. Переход к следующему этапу развития взглядов на тиранию был связан одновременно со стремлением адаптировать выработанные ранее теоретические построения к нуждам политической практики и с дальнейшим анализом секулярных оснований права. В рамках подходов, предложенных Аццо из Болоньи, Бартоло да Сассоферрато и их последователями, государственно-правовые нормы начинают рассматриваться не в качестве вечных законов, предписанных Провидением, а в качестве права, отражающих особенности разнородных политических систем, а тирания – как результат не столько личной порочности правителя, сколько по-

следствие противоречий между потребностями и возможностями государств. Таким образом, в развитии политической и правовой философии начинается формирование новой, эмпирической парадигмы анализа политических систем. Памятниками этой трансформации становятся идеи Салютати и позднейших представителей гражданского гуманизма, а затем – Макиавелли.

Ключевые слова: история философии, политическая философия, средневековая философия, тирания, суверенитет.

Analysis of Tyranny in European Political Philosophy: From the Middle Ages to Modern Times

Vasily Markhinin,

Cand. Sc. (Philosophy),

Associate Professor of the Political Science Department,

Surgut State University,

1 Lenina Street, Surgut, 628403, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-5024-2452

marhinin.basilio@yandex.ru

Abstract

Since late antiquity and till Early Modern time tyranny had been an issue of a great importance for any set of ideological concepts as well as for any system of political philosophy. During this millennium-long period theories of tyrannical rule had stimulated the development of political philosophies and caused paradigmatic shifts of political and legal reasoning in general. In its initial point (i.e. since IV AD) a conventional understanding of tyranny had framed itself within a Platonist (Patristic) description of a tyrant as a degenerated person who subjected his own reason and will to perverted passions. So to prevent tyranny a ruler ought to re-subject his passions and carnal impulses to the reason embodied in divine and human laws. The earlier versions of this theory (e. g. presented by Alcuin or Agobard of Lyons) had focused on the need for spiritual perfection of rulers while the later ones (e. g. those of John of Salisbury and Aquinas) noted the legal aspects of an issue first of all. The development of this so to say normative paradigm of theorizing had reached its peak in writings of John of Salisbury and Thomas Aquinas on the right of subjects to resist tyranny. A set of inner antinomies had prevented a successful accommodation of those theories to legal & political practice while the need for such an accommodation increased. A shift to a new paradigm of political thought had begun in the theories of state of Bartolo da Sassoferrato and Azzo and continued in the political philosophy of Italian civic humanists and Machiavelli. According to them a tyranny emerges from a conflict between the needs of political systems & rulers and the lack of available resources (both natural and societal) rather than from a moral perversion of the ruling persons. An adequate analysis of a tyrannical – and vice versa of a good – government thus required empirical circumstances (not just eternal laws) to be taken into account.

Keywords: history of philosophy, political philosophy, medieval philosophy, tyranny, sovereignty.

Библиографическое описание для цитирования:

Мархинин В.В. Анализ тирании в европейской политической философии: от Средних веков к Новому времени // Идеи и идеалы. – 2024. – Т. 16, № 1, ч. 1. – С. 145–165. – DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-145-165.

Markhinin V. Analysis of Tyranny in European Political Philosophy: From the Middle Ages to Modern Times. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2024, vol. 16, iss. 1, pt. 1, pp. 145–165. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-145-165.

Введение

Наряду с вопросами об отношениях светской и церковной власти, о моральных достоинствах правителей, о наилучшей форме правления вопрос о природе тирании относился к числу излюбленных предметов средневековых мыслителей. Относительно большинства перечисленных здесь проблем еще на рубеже Средневековья и Античности сложился прочный консенсус: для работы с ними был сформулирован набор решений, воспроизводившихся вплоть до XVI–XVII веков.

Особым образом сложилась история исследования тирании: в этой области наблюдалось интенсивное по меркам эпохи развитие идей, смена теоретических парадигм и активная полемика их сторонников. Большой динамизм в развитии концепций тирании в сравнении, скажем, с поисками наилучшей формы правления обуславливался несколькими обстоятельствами. Средневековая политическая философия была главным образом рефлексией по поводу вечных идеалов гармонии между человеком и Провидением. Поскольку такой идеал неизменен и в плане своего содержания, и с точки зрения его (не)достижимости в нашем грешном мире, поиск в нем чего-то нового, в общем-то, лишен смысла – достаточно опереться на наиболее авторитетные суждения и хорошенько их усвоить. Но если истина и норма могут мыслиться как стабильные и всегда равные себе, то заблуждения и девиации всегда разнообразны и изменчивы. Относительно наилучшей формы правления спорить не приходится: она подобна принципам божественного мироправления, а эти принципы известны из священных текстов и авторитетных толкований. Напротив, их искажение не может быть дано в Откровении: догмам подчиняется представление о норме, но не об отклонении от нее.

Концепции тирании были самым тесным образом связаны с политической практикой. Наиболее значительные авторы, размышлявшие над интересующим нас предметом, не были кабинетными теоретиками, но являлись обладателями живого опыта участия в сложнейших политических коллизиях своего времени; в свою очередь, их идеи вдохновляли общественных деятелей. Нередко сами мыслители, исследовавшие тиранию, были профессиональными политиками и создавали свои концепции, не

отвлекаясь от государственных дел (к их числу принадлежат Иоанн Солсберийский, Бартоло да Сассоферрато, Колюччо Салютати). В силу этих обстоятельств исследование тирании становилось своего рода стимулом к развитию теории; именно в пределах этих исследований возникает целый ряд категорий политической философии Нового времени.

В представленном исследовании анализируются основные этапы эволюции подходов, использованных мыслителями Средневековья в исследовании природы тиранического правления, выявляются характеристики теоретических парадигм, в рамках которых с феноменом тирании работали философы, политические теоретики и идеологи.

Нормативистская парадигма: от патристики к легизму

Первые опыты обращения к теме тирании в христианской мысли опираются на традицию, восходящую к платоновскому «Государству». В сочинениях раннехристианских авторов тирания понимается как продукт духовной деградации человека и порабощения его души низменными и противоестественными страстями. Классический образец таких рассуждений представлен в трактате Лактанция «О смертях преследователей»¹. Правители, притесняющие христиан, изображаются по канонам описания тиранов в античной литературе: они казнят и мучают знатных людей, разоряют государство, отдают Рим на поругание варварам. Безо всяких разумных причин Максимин Геркуллий расправляется с сенаторами, голословно обвиняя их в измене; Максимин Даза казнит женщин благородного происхождения; Галерий мучит простой народ, устанавливает непомерные налоги, захватывает имущество богатых людей. Единственная причина таких бесчинств – их пороки. Все эти правители предаются пьянству и разврату, обнаруживают позорную трусость, алчность, суеверие и т. п. [13, с. 124]. Наконец, средоточием всех нравственных уродств становится Диоклетиан, тирания которого затмевает всё, что было прежде. Развращенные императоры навлекают на государство страшные бедствия и не менее ужасно гибнут сами. Как противоположность этим рабам порочных страстей изображен Константин, наделенный величайшим разумом, сдержанностью и уважением к закону; он не только останавливает безвинные гонения на христиан, но и возрождает государство, уже почти погубленное его предшественниками. Несколько позднее платоновский образ тирана – раба страстей, отрекшегося от разума и человечности, станет общим местом

¹ Более ранняя апологетическая литература избегает того, чтобы обвинять кого-либо из императоров или их чиновников в тирании. Это относится даже к Тертуллиану, который, обращаясь к гонителю христиан, наместнику Скапуле, в чрезвычайно хлестком тоне, остерегается назвать его тираном. Тем не менее и в христианской литературе II–III веков присутствуют топоры противопоставления законной и разумной власти и тирании как власти развращенной и самозванной – они используются для описания власти Бога и дьявола над душами людей.

патристики и будет противопоставляться образу праведного царя Иоанном Златоустом [9], Григорием Богословом [5, 6], Григорием Великим [7], Амвросиастом [34].

Восходящие к Платону патристические образы праведного царя и его антагониста, тирана, стали общим местом раннесредневековых зеркал правителя (Агапит [1], Алкуин [2], Иона Орлеанский [10], Гинкмар Реймский [38]). В фокусе внимания при этом находился, естественно, не тиран, а праведный государь; опасность забвения им своего долга, покорения низменным страстям, утраты и божьей милости, и лояльности подданных описывается в самых общих чертах как самое горькое несчастье, способное постигнуть короля. Пожалуй, единственный в эту эпоху пример обращения непосредственно к теме тирании представлен в творчестве Агобарда Лионского (779–840). В 833 году он выступил в поддержку сыновей Людовика Благочестивого, сумевших на короткое время низложить своего отца. В своей «Книге защиты» («Liber apologeticus») [23] он описывает побежденного императора как человека, утратившего способность заботиться о государстве из-за овладевшей им страсти к молодой жене (страсти особенно нелепой, если учесть преклонный возраст и мужское бессилие Людовика). Желая угодить капризам женщины, Людовик разрушает внутреннее спокойствие империи и затевает передел владений в пользу своего мнимого сына², который, по словам Агобарда, является плодом супружеской измены; выступление против него законных сыновей, таким образом, становится не мятежом, а попыткой отвратить отца от пагубного пути. Памфлет, в котором изложены все эти тезисы, является чисто пропагандистским сочинением и не отличается теоретической глубиной, однако в нем нетрудно заметить влияние всё той же концепции тирана как правителя, одержимого низменными страстями и строящего свою политику сообразно им, а не разуму и не нуждам подданных.

Первая развернутая концепция тирании была создана позднее Иоанном Солсберийским. Отправной точкой его анализа становится исследование природы человека. Люди по своей природе эгоистичны, склонны к доминированию и неохотно подчиняются власти. «Если смотреть не на действительность, а на желания людей, окажется, что правителей в мире больше, чем подданных» [33, р. 293]; «Тех, кто желает быть подвластным, очень мало, и каждый ищет возможности освободиться из-под власти своего законного повелителя» [33, р. 295]. Эти константы человеческой природы обусловлены гордыней, которую из-за первородного греха можно обуздать лишь в некоторой степени, и если ее ничто не сдерживает, человек, «получив власть, возносится над другими и становится тираном

² Младший сын Людовика, его будущий наследник и император Карл Лысый (823–877).

... не стыдясь перед лицом Господа, унижает тех, кто равен ему по положению и по природе. И, хотя не всем дано достигнуть королевской или княжеской власти, мало найдется людей, вовсе не запятнанных тиранией» [33, р. 282]. Самое надежное средство пресечь эти устремления – закон; следование ему особенно важно для правителей: «Единственное, или главное различие между тираном и государем – последний починяется закону и управляет народом по указаниям закона» [33, р. 3]. В противоположность ему тиран – «это тот, кто своим правлением, основанным на силе, подавляет народ» [33, р. 334].

Устранение тиранических наклонностей, обусловленных грехопадением, – задача социальной педагогики, а главный ее инструмент – воспитание правосознания. Именно нравственные качества человека (а не его происхождение) должны определять его место в обществе. Нравственность, общественное положение и происхождение – эти три характеристики человека в рассуждениях Иоанна являются своего рода системой координат, позволяющих судить о том, занимает ли человек подобающее ему место в государстве. Высокий ранг должен принадлежать людям с высокими моральными качествами; а они могут (и должны) воспитываться в человеке его родителями. Поскольку это так, оправданной бывает и передача королевского достоинства по наследству. Но такая связь имеет место не всегда. Высокое звание может доставаться по наследству никуда не годным людям, и в этом случае их, конечно, должны заменять другие, более подходящие. Нет никакого резона считать, что наследование власти является незыблемым правилом. Напротив, скорее следует считать, что смена правящих династий неизбежна: «королевская власть должна переходить от одной семьи к другой так, чтобы на престол вступали наследники веры и справедливости» [33, р. 49].

Другая предпосылка нравственного развития – наличие свободы слова, права критиковать правителей. Она полезна в первую очередь самим королям: благодаря свободной речи подданных они получают возможность знакомиться с непредвзятыми мнениями, учатся терпению, сдержанности, умению обуздывать свой гнев. Свобода слова помогает обличать незаконные, и хорошие правители гарантируют ее законами; для тирана же такая свобода неприемлема [33, р. 323–331]. Выводы о связи свободы, добродетели и правосознания подводят Иоанна к концепции ограничения верховной власти и отстранения от власти недостойных людей, а эти идеи, в свою очередь, к самому знаменитому разделу его политической теории, к учению о сопротивлении тирании и тираноубийстве.

Тирания, власть, не признающая законов и справедливого самоограничения, действующая насилием, есть величайшее бедствие для подданных. Беззаконие равнозначно рабству, рабство есть подобие смерти.

Поэтому естественно, что человек, стоящий перед столь серьезной угрозой, может и должен защищаться. Убийство преступника, покушающегося на жизнь, вполне законно, а если речь идет о тиране, то оно не только законно, но и заслуживает похвалы – тираноубийство не грех, а подвиг. Если человек не связан какими-то особыми обязательствами (например, личной клятвой на верность) и имеет фактическую возможность действовать, избавление страны от тирана для него – не право, а обязанность.

Понимание того, что представляет собой хороший правитель, у Иоанна Солсберийского вполне традиционно – это монарх, стремящийся к нравственному совершенству, обуздывающий свои страсти и политические амбиции. Но его трактовка тирана отходит от патристических образцов. Квалифицирующие признаки тирании в его интерпретации имеют не психологическое, а юридическое содержание. Сама по себе интерпретация тирании в юридических терминах, конечно же, не была чем-то особенно оригинальным (к ней прибегал, например, Алкуин), но именно Иоанн Солсберийский начинает анализировать тиранию в первую очередь в контексте правовых отношений: праведный король законопослушен, тиран презирает право; закон обязывает подданных подчиняться первому из них и побуждает истребить второго.

Иоанн Солсберийский переориентирует анализ тирании с обсуждения духовного мира христианина на вопросы политического действия. Внимание средневековых интеллектуалов к его «теории тираноубийства» было обусловлено и тем, что она вступила в непримиримое противоречие с целым рядом базовых представлений средневековой христианской теологии и юриспруденции. По этим представлениям Провидение посылает тиранов для наказания народов за их грехи. Христианин обязан безропотно сносить посланные Богом кары и молиться об избавлении от грехов, ставших их причиной; от истязателей христианин принимает мученический венец, но не поднимает на них оружия. Всякая власть от Бога и наличие власти (хотя бы и в лице тирана) лучше безвластия. Учение о тираноубийстве совершенно не сочеталось со всеми этими положениями, которые еще с раннехристианских времен принимались как азбучные истины. Это учение вступало и в противоречие с общепризнанными юридическими представлениями, поскольку допускало совершение казни частным лицом и без приговора суда.

Первым крупным оппонентом этой тираноборческой концепции становится Фома Аквинский. На первый взгляд, его рассуждения подтверждают выводы Иоанна: люди обязаны повиноваться властям, так как они даны Богом, но это обязательство не имеет абсолютного характера. Во-первых, Бог не дает тому или иному правителю власть навечно, и низложение правителей также свершается по Его воле. Во-вторых, при создании государ-

ства устройство правительства определяется самими будущими подданными, и очень разумным шагом с их стороны, говорит Фома, будет учредить правила и ограничения, которые лишат властителя возможности установить тиранию. Если же он преступит эти законы и сделается тираном, народ получит право отстранить его от власти при помощи восстания или при содействии другого государя.

Хотя эта концепция выглядит как повторение тезисов «Поликратика», Фома снабжает ее такими уточнениями, которые полностью меняют ее смысл. Умеренная тирания, не совершающая совсем уж жутких злодейств, – это зло, которое можно вытерпеть, а борьба с ним может приводить к гораздо худшим последствиям: «Ведь так обычно происходит с тиранией, что следующая бывает тяжелее, чем предыдущая, ведь она не отменяет прежние тягости, но сама, исходя из своего нрава, изобретает новое зло. Так, когда-то в Сиракузах, в то время как все желали смерти Дионисия, некая старуха долго молилась о том, чтобы он был невредим и пережил бы ее. Узнав об этом, тиран спросил ее, почему она это делала. Тогда она сказала: “Когда я была девочкой и у нас был грозный тиран, я желала его смерти. Он был убит, и ему наследовал другой тиран, еще суровее; и когда его власть окончилась, я считала, что он был много суровее. Ты – третий, и теперь мы понимаем, что ты намного более суровый правитель. Так вот, если ты будешь уничтожен, еще худший займет твое место”» [20, с. 241]. Говоря о перспективе свержения тирана, Фома избегает утверждать, что христиане имеют право или, более того, обязаны бороться с тиранией. В конце концов, Бог может покарать тирана руками другого злодея, а не добродетельного человека. Фома, говоря о противодействии тирании, возлагает определенные надежды на право, но они значительно скромнее, чем те, что демонстрирует Иоанн: законы против тирании могут отсутствовать, и тогда использовать их не получится. И в этом случае Фома предлагает исходить не из естественного права человека на свободу, а из здравого смысла: трудно представить такое зло, которое не могло бы стать еще хуже. Фома (вслед за Аристотелем) предлагает различать умеренную тиранию и тиранию крайнюю, нетерпимую; для Иоанна такое различие не имеет смысла: тирания подобна смерти, которая не бывает умеренной и терпимой.

Психологический подход, выработанный патристикой, и легистский, предложенный Иоанном Солберийским, при всех их различиях следовали одной и той же парадигме, которую мы обозначим как нормативистскую. С точки зрения этой парадигмы и хорошее правление, и правление тираническое обладают неизменными характеристиками, моральными или юридическими. Эти характеристики безусловны и не зависят от каких-либо внешних обстоятельств. Естественно, формирование легист-

ского подхода к анализу тирании не означало, что прежний, выдержанный в рамках этических и психологических концепций патристики, был забыт. Он сохранялся в зеркалах правителей, особенно во французской традиции зеркал, представленной Геральдом Камбрийским [29], Винсентом де Бове [35], Гвибером де Турне [29], Гильомом Перро [37] и др. С позиций платонических представлений о тиране и тирании написана и значительно более поздняя «История Ричарда III» Т. Мора. Они же, вероятно, оказали влияние и на сюжеты средневековой беллетристики, связанные с историями о воеводе Владе Дракуле.

Тем не менее юридический подход постепенно начинает преобладать. Выводы Иоанна Солсберийского получили большой резонанс и в политической жизни континентальной Европы. К ним апеллируют Жан Пети (1360/1364–1411), идеолог партии бургиньонов, оспаривавшей французский престол в царствование недееспособного короля Карла VI Безумного [28, 39] и Иоганн Фалькенберг (ок. 1364 – после 1429), дипломат Тевтонского ордена, стремившийся обосновать право ордена любыми средствами истреблять тиранов – польских королей и языческих князей Прибалтики. Политические противники сумели добиться осуждения их тираноборческих идей как опасной ереси, причем Фалькенберг, не пожелавший отречься от них, был арестован, увезен в Италию и закончил дни в папской тюрьме. В качестве еретического было осуждено учение, согласно которому «любой вассал или подданный может законно и добродетельно убить и должен убить тирана; для этой цели он может использовать даже секретные заговоры, лесть или ложную дружбу, независимо от того, приносит ли он ему присягу на верность, заключал ли договор с ним, а также безо всякого судебного приговора или законного приказа» [31, р. 451].

Анализ правовых характеристик законной власти и тиранического правления в контексте политической практики способствовал актуализации идеи народного суверенитета, которая использовалась как один из инструментов в полемике светских правителей против претензий папства на верховную власть. Один из ранних образцов идеи народного суверенитета разрабатывался видным схоластом Иоанном Парижским³, выступившим на стороне Филиппа Красивого в его споре с папой Бонифацием VIII [32].

Власть папы, согласно его выводам, отличается от королевской власти по источнику (первая учреждается Богом, вторая – людьми) и цели (первая преследует цели вечные, а вторая – земные), но и та и другая подчинены единому принципу общего блага. Участие клириков (в том числе пап) в управлении государствами отвлекает их от их заботы об их прямых обязанностях перед христианским народом: погружаясь в мирские дела, они

³ О других примерах обращения к этой идее в XIV веке см., напр. [15].

пренебрегают общим духовным благом. Для того чтобы спасти души, папам нет нужды обладать светской властью, и властные устремления понтификов есть проявление их непомерных амбиций совсем не христианского свойства. Хотя Иоанн избегает того, чтобы прямо обвинить папу в тирании, никакая другая характеристика власти Бонифация VIII в используемой им аристотелевской системе категорий невозможна: это единоличное правление, которое приносит общее благо в жертву своей корысти. В отличие от папы, король правит Францией сообразно с интересами народа, о которых он знает благодаря совещанию с лучшими людьми королевства; его суверенитет, таким образом, выражает волю народа. Трудно сказать, была ли эта концепция народного суверенитета сформулирована Иоанном под впечатлением от подготовки к созыву Генеральных Штатов (оба события приходятся на 1302–1303 годы), или же, напротив, королевские легисты, готовившие созыв сословий, использовали в том числе и его теоретические наработки.

Разумеется, было бы преувеличением утверждать, что Филипп Красивый или его легисты, такие как Гийом де Ногаре или Пьер Дюбуа, были сторонниками теории народного суверенитета, тем более в ее демократической интерпретации. Основу официальной монархической идеологии составляли представления о сакральной природе королевской власти, а элементы идей народного суверенитета использовались ситуативно и имели подчиненный характер [11, 21, 22]. Как бы то ни было, идеи, представляющие короля выразителем воли народа, стали элементом официальной пропаганды и дополнили традиционные идеологемы сакрализации королевской власти в «Книге политики» Николая Орема [24] и в «Сне садовника» [36].

В дальнейшем идеи народного суверенитета развивались Марсилием Падуанским и Уильямом Оккамом, выступившими на стороне Людвига Баварского в противостоянии с Иоанном XXII, а еще позднее – деятелями соборного движения. В предренессансной Италии теория народного суверенитета стала элементом идеологии ранних республик и в этом качестве излагалась таким классиком юридической науки, как Акцио из Болоньи [3, 19].

Активное использование легистских подходов в политической практике достаточно быстро привело к столкновению между ограниченностью юридического инструментария и многообразием фактов политической жизни. С анализом характеристик легитимной власти сторонники этого подхода справлялись без особого труда, но отклонения от нормы ставили перед теоретиками непростые задачи. Будет ли законным формально правильное избрание короля, если выборщики стали объектом демагогии и манипуляций? Королю следует учитывать интересы всех его подданных;

распространяется ли этот принцип на мятежных вассалов и своевольных горожан? Имеет ли король право во имя защиты от захватчиков, разоряющих страну, сам разорять своих подданных, занимаясь порчей монеты? Все эти проблемы обозначаются Николаем Оремом, но решить их при помощи аристотелевского инструментария и апелляции к правовым нормам он оказывается не в состоянии.

Эмпиристская парадигма: тирания в свете политического опыта

В такой ситуации начинает складываться новая парадигма, которая со временем делается доминирующей как в исследовании феномена тирании, так и в политической философии вообще. В ее основу будет положен анализ исторического и актуального опыта политической жизни. Отправной точкой в развитии этой эмпиристской парадигмы станут работы крупнейшего юриста и политического теоретика XIV века Бартоло да Сассосферрато.

Интересующей нас проблематике посвящены два его трактата – «Об управлении государствами» и «О тиране» [16, 25–27].

Отправной точкой его анализа становится пересмотр аристотелевского подхода к вопросам конституционного устройства государств. Все «неправильные» формы правления, с его точки зрения, являются разновидностью тирании: так, аристотелевская демократия является тиранией развращенного простонародья, а олигархия – тиранией богатого меньшинства. Аристотелевская классификация неправильных форм правления, с точки зрения Бартоло, не отвечает современным ему реалиям, поскольку не включает в себя худший (и наиболее распространенный) вид тирании: власть князьков, поделивших между собой страну и правящих по своей прихоти вопреки попыткам верховной власти навести в государстве порядок.

Если неправильные формы правления принципиально одинаковы, то правильные, напротив, существенно различаются по своим достоинствам. Их качества Бартоло оценивает с точки зрения пригодности для различных политических условий, которые зависят от размеров и ресурсов государств. Для малых государств и монархия, и правление немногих лучших людей станут непосильным бременем. Поскольку ни монарх, ни аристократы не могут полагаться исключительно на собственные средства, они по необходимости будут обременять своих немногочисленных сограждан неподъемными поборами. Единственный подходящий для них строй – народное правление (*iurisdictio ad populum*).

Государства среднего размера (такие как Венеция или Флоренция) могут управляться богатым меньшинством при условии, что оно будет огра-

ничивать свои аппетиты, но монарх, окруженный богатым двором и могущественным войском, будет им не по средствам. Королевскую власть может позволить себе лишь крупное государство, его ресурсы позволят обеспечивать все атрибуты монархии: двор, сильное войско, чиновников. Несовпадение типа государства и типа правительства будет предпосылкой почти неизбежного возникновения тирании. Среди писавших о тирании Бартоло, вероятно, первый теоретик, указавший на связь между ее возникновением и конфликтом социальных интересов.

Бартоло выделяет два типа тиранов: тиран *ex defectus tituli* (правитель, присвоивший себе власть противозаконно) и *ex parte exercitiū* (законный правитель, действующий тираническим образом). Все правители с «дефектным» титулом (захватчики чужих владений, узурпаторы, организаторы переворотов) – тираны, и хорошо править не могут; на беззаконие идут ради собственной корысти, а не во имя общего блага. Сложнее обстоит дело с правителями, которые пришли к власти законно, но пользуются ею дурно. Кого из них следует считать тиранами? Безусловно тираническим *modus'om exercitiū* являются только намеренное лишение подданных средств к существованию, провоцирование гражданской войны и участие в ней на одной из сторон.

Любое из этих трех деяний позволяет квалифицировать правителей в качестве «явных» (*manifesti*) тиранов. Такие тираны легко изобличаются и могут быть призваны к ответу своими сюзеренами. Однако же далеко не все поступают так прямолинейно – некоторые остерегаются разорять подданных и рушить гражданский мир открыто, но идут к этому окольными путями: маскируют преступления благими намерениями, действуют чужими руками. Некоторые и вовсе избегают того, чтобы объявлять себя правителями, берут относительно скромные титулы гонфалоньеров, подеста и т. п., манипулируют властями при помощи своих агентов. Изобличать и отстранять от власти таких «маскирующихся» (*velati*) или «тайных» (*taciti*) тиранов трудно.

Кроме того, человеческая природа не свободна от пороков и любого может подтолкнуть к преступлениям ради корысти или прихоти. И наоборот: правитель способен отказываться от тиранического образа действий, заглаживать его последствия и становиться достойным своего титула. Таким образом, оценка тиранических действий всегда проблематична, она требует учета особенностей форм правления, политических обстоятельств, мотивов и баланса полезных и вредных для государства результатов.

Прокладывая дорогу парадигме эмпиризма, Бартоло (и его ученики, в первую очередь Бальдо ди Убальди) еще сохраняет верность схоластике. Согласованность с признанными авторитетами для него главный аргумент

в пользу достоверности вывода, впрочем, авторитетные тексты он подбирает с учетом их соответствия политической и правовой практике.

Тирания становится предметом внимания политической философии итальянского Ренессанса. обстоятельный обзор ренессансных концепций требует отдельного исследования. В настоящей статье уместно будет ограничиться кратким анализом выводов Салютати, который развивает идеи Бартоло и критикует тираноборческую теорию Иоанна Солсберийского и легистский подход в целом.

Хотя убийство тирана санкционируется и специальными нормами публичного права, которые не допускают узурпацию власти, и нормами уголовного права, выводы «Поликратика», где всем желающим предлагается свершить над тираном приговор, согласно мнению Салютати ложны. Проблема в том, что до приговора должен состояться суд, устанавливающий законность его титула и образа действий. Кто же может выносить подобные вердикты? Таких прав нет ни у отдельного подданного, ни у группы заговорщиков; признание противоположного приведет государство к ничем не ограниченному произволу, а не к свободе. Суд над правителем должен происходить с соблюдением всех формальностей, и вести его может либо его сюзерен, либо народ, действующий через избранных им представителей. Такой суд оценивает деяния правителей не в юридических, а в политических категориях, с точки зрения их соответствия интересам страны.

Это положение Салютати иллюстрирует историей становления принципата Юлия Цезаря. С формально-юридической точки зрения Цезарь – тиран, обладатель дефектного титула. Он приходит к власти в результате гражданской войны, в ходе которой уничтожает сначала своих врагов, а затем – законный политический строй. Тем не менее его нельзя считать ни узурпатором (в единоличной власти он утверждается народом), ни насильником (он останавливает войну и прощает своих врагов, которых легко мог предать смерти). Заговорщики, которых часто называют поборниками свободы, в действительности были преступниками, выступившими против народной воли, и убийцами, из зависти погубившими выдающегося вождя, благодетеля своей страны. Резюмируя эти выводы, Салютати делает неожиданные для высшего чиновника республики суждения: «Нет свободы большей, чем свобода повиноваться справедливым приказам доблестного государя. И нет лучшего или более божественного правления, чем власть Бога над вселенной, и всякое человеческое правление тем совершеннее, чем оно ближе к этому образу. Ничто не может быть ближе к божественной власти, чем власть одного человека. Ведь правление многих ничтожно, если только это множество людей не объединено единомыслием, а это возможно, только если один приказывает, а другие повинуются – в против-

ном случае вместо единого правительства будет множество правительств» [30, р. 108]. Несмотря на эту риторику, Салютати не является монархистом, а современных ему единовластных правителей он характеризует как тиранов [18]. Смысл его рассуждений в другом: достойным является правление, обладающее подлинной жизненной силой и доблестью, объединяющее народ для достижения действительно великих целей. Воплощение этого идеала в единоличном лидере совершенно естественно. Противоположность такого правления, тирания, представляет собой строй, подчиняющий силы государства мелочным амбициям ничтожных людей.

Тиран необязательно является злодеем inferнального облика вроде описанного в «Эццелино да Романо» [4]. Угнетать народ могут и коррумпированная клика Медичи [17], и Сенат, в котором «один радеет о своем перце, другой о хлопке, этот о серебре, тот о шерсти, а третий о своей жене» [12, с. 150–151] и где «благосклонность почти каждого можно купить». Если мыслители средневековой эпохи всегда обсуждают феномен тирании в контексте его моральной оценки и сходятся во мнении, что тираническое правление есть безусловное несчастье для любого государства, то теоретики времен Ренессанса в этих оценках порой демонстрируют релятивизм. Так, Конверсини призывает не преувеличивать масштабы несчастий, которые причиняют тираны: в конце концов, подавляют слабых, лишают их имущества, свободы и даже жизни не только правители, но и частные лица, и испытывать такое зло от своих ближних людям приходится куда чаще, чем от правителей.

Конверсини предвосхищает моральную эмансипацию понятия тирании, предпринятую Макиавелли веком позже: зло, причиняемое тираном, всегда есть зло по отношению к кому-то, и совершенно необязательно, что его жертвами делаются все или даже большинство. Напротив, многие вполне могут выиграть от наличия в стране жестокого правителя, не ограниченного законами. Во вступлении к IV книге «Истории Флоренции» Макиавелли использует понятие тирании как термин, по большому счету лишенный этических коннотаций, – это один из полюсов, между которыми колеблется большинство республик, попеременно попадающих под власть тиранов и разнузданного охлоса. Способность обнаруживать предметы государственного интереса и реализовывать их (если надо, преодолевая сопротивление частных лиц и даже всего общества) – вот высшая доблесть правителя. Тирания, с его точки зрения, плоха не тем, что она творит насилие, а тем, что редко ставит перед собой цели, адекватные интересам государства. Если же это удастся и правитель успешно подавляет противоборствующие в стране силы и приводит их к покорности – «вот тогда государство имеет право называть себя свободным, а правительство его считаться прочным и сильным» [14, с. 143].

В «Истории Флоренции» сам термин «тирания» используется, как правило, в нейтральном, безоценочном контексте. В «Жизни Каструччо Кастракани» Макиавелли идет дальше и создает весьма притягательный образ главного героя – политика, умело использующего весь арсенал тиранических приемов, но сохраняющего любовь народа и уважение соседей. В «Истории Флоренции» Каструччо безоговорочно обозначается как тиран; действительно, способ, которым он приобрел власть над Луккой, делает его классическим тираном *ex defectus tituli*. Однако Макиавелли изображает его как выдающегося и доблестного правителя, не забывая при случае указывать на шаги, которые позволяли ему опираться на поддержку народа.

Влияние дискуссий о природе законной и тиранической власти прослеживается и далеко за пределами философии и политико-правовой мысли. Наиболее яркий пример этого представлен в шекспировских «Хрониках». Так, сюжет «Ричарда II» строится вокруг истории превращения этого помазанника Божия, к сожалению, лишенного необходимых королю качеств, в тирана *ex parte exercitii*, точнее, в невольного сообщника скрытых тиранов из его окружения. Низложенный с престола, он искупает свою тиранию мученической смертью. Следующая хроника, «Генрих IV», показывает трудное преобразование узурпатора Генриха Болингброка, тирана *ex defectus tituli*, в праведного государя. Не случайно и то, что тирания становится одной из сквозных тем ренессансной драмы в целом; наряду с Шекспиром здесь можно указать на Кристофера Марло («Тамерлан Великий», «Парижская резня»), Бена Джонсона («Заговор Катилины», «Падение Мортимера»), Жака Гревена («Юлий Цезарь»). Драматург и теоретик ренессансной драмы Жак де ла Тай отводит тирании роль одного из инструментов в руках судьбы, главного двигателя трагических сюжетов [8].

Заключение

Работы Бартоло и мыслителей Ренессанса сформировали эмпирическую парадигму исследования тирании (и политических явлений вообще), сменившую средневековую нормативную парадигму. Это, впрочем, не привело к отказу последующих поколений интеллектуалов от осмысления политических реалий путем соотнесения с этическими и правовыми нормами. Скорее, следует сказать, что на материале тирании мыслители учились избегать упрощенного и прямолинейного морализаторства и видеть политические явления в их этической сложности. Работа над анализом феномена тирании стала значимым фактором модернизации политического знания. Именно в ходе обсуждения тирании рождается целый ряд важнейших концептов социальной мысли Нового времени: суверенитет,

социальные и государственные интересы – все эти понятия впервые приобретают статус категорий политического знания у авторов, рассмотренных в настоящей статье.

Литература

1. *Агапит.* Увещательные главы // Христианское чтение. – 1827. – Ч. 27. – С. 245–273.
2. *Алуин.* Риторика. Диалог мудрейшего короля Карла и Альбина, учителя, о риторике и добродетелях // Проблемы литературной теории в Византии и латинском Средневековье / отв. ред. М.А. Гаспаров. – М.: Наука, 1986. – С. 191–235.
3. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования. – 2-е изд. – М.: Инфра-М – Норма, 1998. – 622 с.
4. *Гаспаров М. А.* «Эперинида» Альбертино Муссато // Другие Средние века: к 75-летию А.Я. Гуревича. – М.; СПб.: Университетская книга, 1999. – С. 79–98.
5. *Григорий Богослов.* Слово 3. Григорий Богослов оправдывает удаление свое в Понт после рукоположения в пресвитеры и возвращение оттуда, а также учит, как важен сан священства и каков должен быть епископ // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Т. 1. – СПб., 1912. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Bogoslov/slovo/3 (дата обращения: 16.02.2024).
6. *Григорий Богослов.* Слово 5. Второе обличительное на царя Юлиана // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. Т. 1. – СПб., 1912. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Bogoslov/slovo/5 (дата обращения: 17.02.2024).
7. *Григорий Великий.* Григорий Рекареду, королю вестготов // Теология и политика. Власть, Церковь и текст в королевствах вестготов (V – начало VIII в.): исследования и переводы / ред.-сост. О.В. Ауров. – М.: Дело, 2017. – С. 283–287.
8. *Тай Ж. де ла.* Об искусстве трагедии // Литературные манифесты западноевропейских классицистов / под ред. Н.П. Козловой. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – С. 249–255.
9. *Иоанн Златоуст.* Слово 21. О начальстве, власти и славе // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т. 12, кн. 2. – СПб., 1906. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/vyboriki/21 (дата обращения: 17.02.2024).
10. *Иона Орлеанский.* О королевских обязанностях. – СПб.: Евразия, 2020. – 252 с.
11. *Колтаков М. Ю.* Политические идеи французского легиста Гийома де Ногаре // Метаморфозы истории. – 2003. – № 3. – С. 178–187.
12. *Конверсини Дж.* Драгмалогия о предпочтительном образе жизни // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения / сост. и отв. ред. Л.М. Брагина. – М.: Наука, 2004. – С. 150–160.
13. *Лактанций.* О смертях преследователей. – СПб.: Алетейя, 1998. – 279 с.

14. *Макьявелли Н.* История Флоренции. – 2-е изд. – М.: Наука, 1987. – 448 с.
15. *Малинин Ю.П.* Франция в эпоху позднего Средневековья. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – 452 с.
16. *Мархинин В.В.* Учение о формах правления в политической философии Бартоло да Сассоферрато // Общество: философия, история, культура. – 2017. – № 7. – С. 39–42.
17. *Ринучини А.* О свободе // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения / сост. и отв. ред. Л.М. Брагина. – М.: Наука, 2004. – С. 161–172.
18. *Салютати К.* Инвектива против Антонио Лоски из Виченцы // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения / сост. и отв. ред. Л.М. Брагина. – М.: Наука, 2004. – С. 126–137.
19. *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли. В 2 т. Т. 1. Эпоха Ренессанса. – М.: Дело, 2018. – 464 с.
20. *Фома Аквинский.* О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.) / под ред. В.И. Рутенбурга, И.И. Медведева. – Л.: Наука, 1990. – С. 217–244.
21. *Хачатурян Н.А.* Возникновение Генеральных штатов во Франции. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 210 с.
22. *Хачатурян Н.А.* Власть и общество в Западной Европе в Средние века. – М.: Наука, 2008. – 313 с.
23. *Agobard of Lyons.* Liber Apologeticus, pt. 1. – URL: https://history.ubc.ca/wp-content/uploads/sites/23/2019/06/Agobard_of_Lyons_Liber_apologeticus_I_Ju.pdf (accessed: 17.02.2024).
24. *Babbitt S.M.* Oresme's "Livre de Politiques" and the France of Charles V. – Philadelphia: The American Philosophical Society, 1985. – 158 p.
25. *Bartolo da Sassoferrato.* "De guelphis et gebellinis". – URL: http://individual.utoronto.ca/jwrobinson/translations/bartolus_de-guelphis-et-gebellinis.pdf (accessed: 17.02.2024).
26. *Bartolo da Sassoferrato.* "De regimine civitatis". – URL: http://individual.utoronto.ca/jwrobinson/translations/bartolus_de-regimine-ciuitatis.pdf (accessed: 17.02.2024).
27. *Bartolo da Sassoferrato.* De Tyrannia // Humanism and Tyranny. Studies in the Italian Trecento. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1925. – P. 126–156.
28. *Bess B.* Frankreichs Kirchenpolitik und der prozess des Jean Petit uber die Lehre vom Tyrannenmord bis zur Reise Konig Sigismunds. – Marburg: O. Ehrhardt, 1891. – 258 p.
29. *Born L.K.* The Perfect Prince: A Study in Thirteenth- and Fourteenth-Century Ideals // Speculum. – 1928. – Vol. 3 (4). – P. 470–504.
30. *Coluccio Salutati.* De Tyranno // Humanism and Tyranny. Studies in the Italian Trecento. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1925. – P. 70–118.
31. Disciplinary Decrees of the General Councils, Text, Translation, and Commentary. – St. Louis; London: B. Herder Book Co., 1937. – 669 p.
32. *John of Paris.* On Royal and Papal Power. – Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1971. 261 p.

33. *John of Salisbury*. The Statesman's Book of John of Salisbury: Being the Fourth, Fifth, and Sixth Books, and Selections from the Seventh and Eighth Books, of the Policraticus. – New York: Knopf, 1927. – 410 p.
34. *Markus R.A.* The Latin Fathers // The Cambridge History of Medieval Political Thought, 350–1450. – Cambridge: Cambridge University Press, 2008. – P. 92–122.
35. *Pereira M.A.L.* The King and the Kingdom seen by the preacher: Vincent of Beauvais and the concept of Christian kingship in the 13th century // *Revista Brasileira de História*. – 2012. – Vol. 32 (63). – P. 227–248. – DOI: 10.1590/S0102-01882012000100011.
36. *Ponomareva M.* 'Patria' and 'Respublica' in French Political Publicism of the Fourteenth Century // *Философия. Журнал высшей школы экономики*. – 2018. – Т. 2, № 3. – С. 29–65.
37. *Steiner A.* Guillaume Perrault and Vincent of Beauvais // *Speculum*. – 1938. – Vol. 8 (1). – P. 51–58.
38. *Tavard G.H.* Episcopacy and Apostolic Succession According to Hincmar of Reims // *Theological Studies*. – 1973. – Vol. 34 (4). – P. 594–623.
39. *Willard C.C.* The Manuscripts of Jean Petit's Justification: Some Burgundian Propaganda Methods of the Early 15th Century // *Studi Francesi*. – 1969. – Vol. 13. – P. 271–280.

References

1. Agapetus. Uveshchatel'nye glavy [The very humble Deacon Agapetus to the sacred and venerable emperor Justinian]. *Khristianskoe chtenie = Christian Reading*, 1827, pt. 27, pp. 245–273. (In Russian).
2. Alcuin of York. Ritorika. Dialog mudreishego korolya Karla i Al'bina, uchitelya, o ritorike i dobrodetelyakh [The Rhetoric of Alcuin]. *Problemy literaturnoi teorii v Vizantii i latinskom Srednevekov'e* [Problems of the theory of literature in Byzantium and in the Latin West]. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 191–235. (In Russian).
3. Berman H.J. *Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition*. Harvard University Press, 1983 (Russ.ed.: Berman G.Dzh. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya*. 2nd ed. Moscow, Infra-M – Norma Publ., 1998. 624 p.).
4. Gasparov M.L. «Etserinida» Al'bertino Mussato [“Ecernis” of Albertino Mussato]. *Drugie Srednie veka: k 75-letiyu A.Ya. Gurevicha* [Other Middle Ages. Towards 75th anniversary of A.Ya. Gurevitch]. Moscow, St. Petersburg, Universitetskaya kniga Publ., 1999, pp. 79–98.
5. Gregory of Nazianzus. Slovo 3. [Speech 3. Gregory of Nazianzus apologises his exile to Pont after being ordained a presbyter and his return and also teaches the importance of sacerdotal rank and which qualities are necessary for a bishop]. *Tvoreniya izhe vo svyatykh ottsa nashego Grigoriya Bogoslova, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo*. T. 1 [Writings of st. Gregory of Nazianzus, archbishop of Constantinople]. St. Petersburg, 1912. (In Russian). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Bogoslov/slovo/3 (accessed 16.02.2024).

6. Gregory of Nazianzus. Slovo 5. Vtoroe oblichitel'noe na tsarya Yuliana [Speech 5. Second word of reproof against king Julian]. *Tvoreniya izbe vo svyatykh ottsa nashego Grigoriya Bogoslova, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo*. T. 1 [Writings of st. Gregory of Nazianzus, archbishop of Constantinople]. St. Petersburg, 1912. (In Russian). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Bogoslov/slovo/5 (accessed 17.02.2024).

7. Gregory the Great. Grigorij Rekaredu, korolyu vestgotov [Gregory to Reccared, king of Visigoths]. *Teologiya i politika. Vlast', Tserkov' i tekst v korolevstvakh vestgotov (V – nachalo VIII v.): issledovaniya i perevody* [Theology and politics. Power, Church and text in the visigothic kingdoms]. Moscow, Delo Publ., 2017. 352 p. (In Russian).

8. Taille J. de la. Ob iskusstve tragedii [On the art of tragedy]. *Literaturnye manifesty zapadnoevropejskikh klassitsistov* [Literary manifests of Western classicism]. Moscow, MSU Publ., 1980. 609 p. (In Russian).

9. John Chrysostom. Slovo 21. O nachal'stve, vlasti i slave [Speech XXI. On the government, power and glory]. *Tvoreniya svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatousta, arkhiepiskopa Konstantinopol'skogo*. T. 12, kn. 2 [Writings of st. John Chrysostom, archbishop of Constantinople. Vol 12, pt. 2]. St. Petersburg, 1906. (In Russian). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/vyborki/21 (accessed 17.02.2024).

10. Jonas of Orleans. *O korolevskikh obyazannostyakh* [On the duty of kings]. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2020. 252 p. (In Russian).

11. Kolpakov M.Yu. Politicheskie idei frantsuzskogo legista Giïoma de Nogare [Political ideas of a French legist Guillaume de Nogaret]. *Metamorfozy istorii = Metamorphoses of History*, 2003, no. 3, pp. 178–187.

12. Conversini G. Dragmalogiya o predpochtitel'nom obraze zhizni [Dialogue on the preferable way of life]. *Gumanisticheskaya mysl' ital'yanskogo Vozrozhdeniya* [Humanist thought of Italian Renaissance]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 150–160. (In Russian).

13. Lactantius. *O smertyakh presledovatelei* [On the Deaths of the Persecutors]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 1998. 279 p. (In Russian).

14. Machiavelli N. *Istoriya Florentsii* [Florentine Histories]. 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1987. 448 p. (In Russian).

15. Malinin Yu.P. *Frantsiya v epokhu pozdnego Srednevekov'ya* [France in the late Middle Ages]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2008. 452 p.

16. Markhinin V.V. Uchenie o formakh pravleniya v politicheskoi filosofii Bartolo da Sassoferrato [Political philosophy of Bartolo da Sassoferrato and his theory of forms of government]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura = Society: philosophy, history, culture*, 2017, no. 7, pp. 39–42.

17. Rinuccini. O svobode [O liberty]. *Gumanisticheskaya mysl' ital'yanskogo Vozrozhdeniya* [Humanist thought of Italian Renaissance]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 161–172. (In Russian).

18. Salutati C. Invektiva protiv Antonio Loski iz Vichentsy [Invective against Antonio Loschi of Vicenza]. *Gumanisticheskaya mysl' ital'yanskogo Vozrozhdeniya* [Humanist thought of Italian Renaissance]. Moscow, Nauka Publ., 2004, pp. 126–137. (In Russian).

19. Skinner Q. *Istoki sovremennoi politicheskoi mysli*. V 2 t. T. 1. *Epokha Renessansa* [The foundations of modern political thought. Vol. 1. The Renaissance]. Moscow, Delo Publ., 2018. 464 p.
20. Thomas Aquinas. O pravlenii gosudarei [On the reign of princes]. *Politicheskie struktury epokhi feodalizma v Zapadnoi Evrope (VI–XVII vv.)* [Political structures of feudalism in Western Europe (VI–XVII centuries)]. Leningrad, Nauka Publ., 1990, pp. 217–244. (In Russian).
21. Khachatryan N.A. *Vozniknovenie General'nykh shtatov vo Frantsii* [The emergence of the Estates General in France]. Moscow, MSU Publ., 1976. 210 p.
22. Khachatryan N.A. *Vlast' i obshchestvo v Zapadnoi Evrope v Srednie veka* [Power and society in Western Europe in the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 313 p.
23. Agobard of Lyons. *Liber Apologeticus*, pt. 1. Available at: https://history.ubc.ca/wp-content/uploads/sites/23/2019/06/Agobard_of_Lyons_Liber_apologeticus_I_Ju.pdf (accessed: 17.02.2024).
24. Babbitt S.M. *Oresme's "Livre de Politiques" and the France of Charles V*. Philadelphia, The American Philosophical Society, 1985. 158 p.
25. Bartolo da Sassoferrato. *"De guelphis et gebellinis"*. Available at: http://individual.utoronto.ca/jwrobinson/translations/bartolus_de-guelphis-et-gebellinis.pdf (accessed: 17.02.2024).
26. Bartolo da Sassoferrato. *"De regimine civitatis"*. Available at: http://individual.utoronto.ca/jwrobinson/translations/bartolus_de-regimine-civitatis.pdf (accessed: 17.02.2024).
27. Bartolo da Sassoferrato. *De Tyrannia. Humanism and Tyranny. Studies in the Italian Trecento*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1925, pp. 126–156.
28. Bess B. *Frankreichs Kirchenpolitik und der prozess des Jean Petit uber die Lehre vom Tyrannenmord bis zur Reise Konig Sigismunds*. Marburg, O. Ehrhardt, 1891. 258 p.
29. Born L.K. The Perfect Prince: A Study in Thirteenth- and Fourteenth-Century Ideals. *Speculum*, 1928, vol. 3 (4), pp. 470–504.
30. Coluccio Salutati. *De Tyranno. Humanism and Tyranny. Studies in the Italian Trecento*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1925, pp. 70–118.
31. *Disciplinary Decrees of the General Councils, Text, Translation, and Commentary*. St. Louis, London, B. Herder Book Co., 1937. 669 p.
32. John of Paris. *On Royal and Papal Power*. Toronto, Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1971. 261 p.
33. John of Salisbury. *The Statesman's Book of John of Salisbury: Being the Fourth, Fifth, and Sixth Books, and Selections from the Seventh and Eighth Books, of the Policraticus*. New York, Knopf, 1927. 410 p.
34. Markus R.A. The Latin Fathers. *The Cambridge History of Medieval Political Thought, 350–1450*. Cambridge, Cambridge University Press, 2008, pp. 92–122.
35. Pereira M.A.L. The King and the Kingdom seen by the preacher: Vincent of Beauvais and the concept of Christian kingship in the 13th century. *Revista Brasileira de História*, 2012, vol. 32 (63), pp. 227–248. DOI: 10.1590/S0102-01882012000100011.

36. Ponomareva M. 'Patria' and 'Respublica' in French Political Publicism of the Forteenth Century. *Filosofiya. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki = Philosophy. Journal of the Higher school of Economics*, 2018, vol. 2, no. 3, pp. 29–65.

37. Steiner A. Guillaume Perrault and Vincent of Beauvais. *Speculum*, 1938, vol. 8 (1), pp. 51–58.

38. Tavard G.H. Episcopacy and Apostolic Succession According to Hincmar of Reims. *Theological Studies*, 1973, vol. 34 (4), pp. 594–623.

39. Willard C.C. The Manuscripts of Jean Petit's Justification: Some Burgundian Propaganda Methods of the Early 15th Century. *Studi Francesi*, 1969, vol. 13, pp. 271–280.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023.

Статья прошла рецензирование 12.11.2023.

The article was received on 26.09.2023.

The article was reviewed on 12.11.2023.